

Как видим, в профессиональном сообществе до сих пор нет единства по поводу реформы высшей школы, а между тем эта реформа происходит! Извините, «без царя в голове». Кто заказчик специалиста и кто платит деньги, каковы критерии пригодности, стандарты качества

системы оценки – непонятно. И все это на фоне роста финансирования и при полной безответственности. Увы.

А профессора и академики спорят себе и спорят.

А караван реформ идет себе и идет Куда?

По материалам сайта www.nasledie.ru

О. А. Александрова

ОТРАСЛЕВАЯ ДИСКРИМИНАЦИЯ КАК ПРЕПЯТСТВИЕ ЭГАЛИТАРНОСТИ ОБРАЗОВАНИЯ

«Равенство возможностей и жизненных шансов становится обязательным условием эффективности. Человеческий капитал – это наиболее значимый ресурс, необходимый для создания динамичной и конкурентной экономики знаний. Тут неизбежно затрагиваются вопросы социальной справедливости. Мы стоим перед лицом огромного демографического дисбаланса, связанного со снижением численности когорты трудоспособного возраста, и для поддержки пожилых нам следует максимизировать производительность труда молодежи»¹.

Рассуждающего об эгалитарности Эспин-Андерсена волнует судьба западного социального государства, и в особенности его универсальной модели. Перед Россией же стоит гораздо более сложная задача – удержаться от скатывания на периферию мирового развития: ведь, сколько бы ни говорилось о триумфе страны в качестве энергетической сверхдержавы, мизерная представленность России на самых перспективных и прибыльных мировых рынках, связанных с высокотехнологичной продукцией, указывает на зыбкость ее нынешнего благополучия. Очевидно: в ситуации, когда страны-лидеры все более утверждают в значимости эгалитаризма, для России, еще лишь стремящейся обрести необходимый уровень конкурентоспособности, вопрос о выравнивании жизненных шансов – актуален вдвойне. Реализация в 2003–2005 гг. достаточно масштабных проектов, связанных с исследованием доступности высшего образования и поведения выпускников российских вузов на рынке труда², позволила нам получить соответствующую информацию.

Оценить политику государства в сфере образования в привязке к проблеме конкурентоспособности национальной экономики возможно лишь при соотнесении реализуемых мер и их последствий с современными глобальными вызовами.

Двадцать лет назад глобальный вызов состоял в нарастающем экономическом отставании, угрожающем способности поддерживать статус сверхдержавы. С целью преодоления социально-экономической неэффективности было предпринято фундаментальное общественное переустройство, затронувшее и систему образования. Нововведения в виде легитимации негосударственных учебных заведений, платности образования, его вариативности, устранения ограничений на получение второго высшего образования и т.п. отвечали требованиям момента, однако, наложившись на реалии 1990-х, породили перверсивный эффект в виде ограничения доступности образования и снижения его качества, перекрывающий путь к повышению конкурентоспособности национальной экономики.

Данные нашего исследования говорят о том, что сегодня получение качественного и перспективного с точки зрения будущей занятости образования в значительном числе случаев происходит по формуле «связи + большие деньги – знания». Так, среди наиболее обеспеченных респондентов 36% учится в элитных вузах и еще 56% в престижных вузах, в остальных доходных группах доля обучающихся в элитных вузах не превышает нескольких процентов. Подобная зависимость далеко не всегда обусловлена лучшей подготов-

кой более состоятельных абитуриентов по сравнению с менее обеспеченными. Так, абсолютное большинство наиболее обеспеченных студентов готовились с «репетитором из данного вуза», в отличие от остальных респондентов, готовившихся самостоятельно или на подготовительных курсах. При этом, по вопросу о расходах на поступление, среди наиболее обеспеченных респондентов они оцениваются как «серьезное бремя для семейного бюджета». По мнению наиболее обеспеченных студентов «наличие знаний» при поступлении оказалось далеко позади значения «связей» и «денег», более половины из них на первостепенность знаний вообще не указали. Для поступления в другой, еще более престижный вуз респондентам этой группы в первую очередь не хватило денег и связей, но не знаний (на их нехватку указали лишь 14% опрошенных). В остальных доходных группах, где доля лиц указавших на недостаточность знаний, денег или связей для получения более перспективного образования, были примерно равны.

Наши эмпирические данные подтверждаются и мнением экспертов о том, что из-за тенденций коммерциализации образования снижается качество отбора при приеме абитуриентов на обучение в престижные вузы.

Подобный отрицательный отбор обучающихся воспроизводится и в дальнейшем – при переходе на более высокие уровни вузовского образования. Так, согласно нашим данным, поступать в магистратуру твердо намерены именно наиболее обеспеченные студенты, чему способствует расширение платной формы обучения. Безусловно, есть вузы и факультеты, где невозможно учиться без способностей, как справедливо подчеркивает ректор МГУ М. А. Садовничий, на мехмате, например, такой студент уйдет после первого коллоквиума.

Решая проблему конкурентоспособности национальной экономики, нельзя не задумываться на тем, чьи «национальные кадры» пополняют лучшие выпускники ведущих вузов и что делают те из них, кто остается в России? Обратимся к нашим данным.

Непосредственно по специальности, полученной в вузе, работает лишь около 42% опрошенных нами выпускников. Еще 26% определили свою работу, как достаточно тесно связанную с вузовской специальностью. Однако, при внимательном рассмотрении выяснилось, что это не тот профиль деятельности, к которому готовили специалистов.

Например, специалисты по разработке сложной техники – выпускники МГТУ им. Баумана или МАИ работают продавцами зарубежного оборудования или заняты компьютерной полиграфией, банковскими операциями и т. п.). Главное же состоит в том, что сегодня перепрофилироваться приходится специалистам из тех областей знания, где в современном мире и создается долгосрочная конкурентоспособность страны. Так, по данным исследования, не считают свою специальность востребованной в соответствии с рыночными критериями 80,0% химиков, химиков-технологов, 75% математиков и физиков; 66% биологов, биотехнологов, физиологов; 47,0% специалистов в области электро- и радиотехники, электроники, приборостроения и связи; 42,6% инженеров машиностроительных отраслей и т.д. Включены ответы «работа по вузовской специальности есть, но за нее мало платят», либо «работы для специалистов данного профиля нет вообще, они не нужны». Абсолютное большинство медиков и педагогов ответили «работа есть, но за нее мало платят». В результате, наблюдается 4-кратное сокращение числа работающих непосредственно по вузовской специальности геологов, геофизиков, горных инженеров, гидрометеорологов и т. п.; 2–2,5-кратное сокращение числа химиков, а также электронщиков, специалистов в области приборостроения и связи и т. п.; 1,3–1,5-кратное сокращение числа математиков, биологов и специалистов по АСУ. Заметим, что лишь мизерная часть респондентов объяснила переход в другую профессию разочарованием в полученной специальности как таковой, абсолютное большинство указало на низкую материальную обеспеченность в случае работы по вузовской специальности. Вынужденная профессиональная мобильность не удивительна, поскольку большая часть отраслей, в которых могут быть заняты подобные специалисты, являются жертвами ценового диспаритета³.

В то же время абсолютное большинство выпускников вузов, чья специальность связана с финансами, торговлей, бытовым и досуговым сервисом, а также юриспруденцией, ощущают свои профессии вполне востребованными (более трех четвертей в каждой из перечисленных специальностей выбрали вариант ответа «специалисты этого профиля нужны и их труд неплохо оплачивается»). Случаи перепрофилирования встречаются и среди этих специалистов, но не в направлении научно-производственной сферы. Так, если среди окон-

чивших вуз по специальности экономика, финансы, юриспруденция, строительство, психология, доля тех, чья нынешняя работа, по их собственному признанию, не имеет абсолютно никакого отношения к вузовской специальности, составляет от 11% до 23%, то по таким специальностям, как, например, электроника, приборостроение, математика, физика, химия – более 40%, а с учетом тех, кто не вполне обоснованно расценил свою нынешнюю работу как достаточно близкую к вузовской специальности, доля еще больше.

Еще одна группа специальностей, чьи представители ощущают себя достаточно востребованными – это выпускники строительных вузов, специалисты в области программирования и вычислительной техники, а также фармацевты. В отношении востребованности программистов и фармацевтов особенно обольщаться не стоит: в первом случае – с учетом преимущественно периферийного или даже поденного положения российских программистов в мировом производстве информационных технологий; во втором – с учетом того, что сегодня достаточно высокая востребованность и оплата труда фармацевтов связана не столько с разработкой, производством и патентованием новых лекарственных препаратов, сколько с расширением высоко монополизированного аптечного бизнеса. Возможно ли прорывное развитие фармакологии, как разработки и производства новых лекарств, а не продажи зарубежных препаратов, без интенсивного развития биологии и медицины? Но специалисты этих отраслей не чувствуют себя востребованными в рыночных условиях, более того, ни один из попавших в выборку медиков не назвал работу исследователя, научного работника предпочтительной для себя и своих сверстников.

Масштаб и легкость перепрофилирования объясняются тем, что в сложившейся структуре российской экономики сложные специализированные знания особо и не нужны: почти 40% выпускников вузов полагают, что для их нынешней работы высшее образование не требуется. Запрос же на высшее образование со стороны работодателей в значительном числе случаев (51,9%) связан с символическим характером вузовского диплома, а вовсе не с тем, что исполнение профессиональных обязанностей невозможно без наличия специальных знаний вузовского уровня сложности.

Зададимся вопросом: если налицо отсутствие спроса или плохое материальное стимулирование

труда специалистов научно-производственных отраслей, педагогов, медиков и т. д., и высокая востребованность работников финансово-экономической, торговой и т.п. сфер, то может быть Россия собирается преуспеть именно в них? В нашем исследовании было отмечено, кто и в силу каких обстоятельств получает возможность учиться в наиболее престижных вузах этого профиля. Ранее наши достижения были совсем в других областях, и умы, продолжающие «утекать» из России и радушно принимаемые развитым миром, имеют отношение к физике, математике и т. п., а не к финансам, менеджменту или маркетингу. И, главное, магистральные направления мирового развития все же имеют в своей основе базовые естественные, точные и инженерные науки.

Какой вызов сегодня бросает России современный мир? Главная тенденция современности – все большее обособление мирового центра и нарастание его отрыва от периферии в силу разнонаправленности движения цен на сырье, энергоносители и труд, с одной стороны, и цен на высокотехнологичную продукцию, с другой. Соответственно, и адекватным ответом может быть только развитие экономики знаний, о чем все чаще говорится с самых высоких трибун. При этом основной упор делается на новые шаги в модернизации образования. Однако, никоим образом не отвергая необходимость расширения доступности образования, повышения его качества и т. п., зададимся вопросом: достаточно ли для адекватного ответа ограничиться реформой образования? Ведь в случае с массовым перепрофилированием специалистов дело не столько в системе образования сколько в дефиците приемлемо оплачиваемых рабочих мест для специалистов научно-производственных отраслей.

Обеспечение кадровым потенциалом инновационной экономики предполагает решение: 1) проблем, связанных с подготовкой специалистов в перспективных с точки зрения НТП отраслях знаний, а также в областях, связанных с организацией подобных производств и продвижением соответствующих продуктов 2) проблем, связанных с использованием подобных специалистов в соответствующих отраслях; 3) проблем, связанных с наличием интенций на инновационную деятельность у лиц, принимающих управленческие решения в соответствующих производственных структурах. Но представляется, что в современных российских условиях перечисленные проблемы детерминированы в обратном порядке:

отсутствие в институциональном контексте действенных стимулов к инновационной деятельности хозяйствующих субъектов, функционирующих в высокотехнологичных отраслях. Напротив, наличие антистимулов или барьеров объясняют невосребованность имеющегося человеческого ресурса, что в свою очередь, дестимулирующе воздействует на институты подготовки соответствующих специалистов, приводя к снижению качества подготовки кадров (в силу ухудшающегося отбора обучающихся и вымывания высококвалифицированной части ППС), что в свою очередь вносит лепту в сдерживание инновационного развития.

Проблема в том, процесс сокращения сфер применения квалифицированного, интеллектуального труда, начатый в 90-е годы и сегодня не закончен: в частности, не создан и не работает механизм контроля за сохранением профиля предприятия после его приватизации, притом, что список не подлежащих приватизации предприятий научно-производственной сферы постоянно сокращается. Государство так и не приступило к использованию имеющегося у него арсенала средств для приведения отраслевой структуры экономики, структурных пропорций в отвечающий вызовам современности вид; для поддержки передовых отраслей; для превращения хозяйственной среды в подлинно конкурентную. Но ведь только подобная экономическая политика может обеспечить востребованность специалистов, без которых немислима экономика знаний, а, значит, и востребованность соответствующего образования и предоставляющих его образовательных учреждений. Если будет реальная потребность в специалистах, способных создавать новое научно-технологическое знание,

продвигать наиболее перспективные отрасли промышленности, то возникнет и востребованность вузов в действительно талантливых абитуриентах, для обеспечения доступа их к хорошему образованию в России сохраняются необходимые условия. Таким образом, применительно к нынешней России социальная функция государства заключается не только в выравнивании для индивидов, условий доступности образования, но и в создании условий для успешного функционирования и, соответственно, привлекательности для специалистов тех отраслей экономики, которые только и могут обеспечить стране устойчивое развитие.

Примечания

¹ Г. Эспин-Андерсен. Снова на пути к хорошему обществу? // SPERO. 2006. № 5.

² Речь идет об исследованиях «Доступность высшего образования и перспективы позитивной социальной динамики» и «Поведение молодых образованных россиян на современном рынке труда», которое проводилось в 2003–2005 гг. при поддержке Фонда Форда и Независимого института социальной политики совместно с Е. М. Авраамовой и Д. М. Логиновым. В первом исследовании выборка состояла из 900 студентов старших курсов вузов, диверсифицированных по месту нахождения, профилю и качеству образования; во втором проекте в репрезентативную для России выборку населения в возрасте до 35 лет попало 600 выпускников вузов, получивших образование в 1993–2004 гг.

³ Об этом явлении и в целом об анклализации российской экономики см. Яременко Ю.В. Экономический рост. Структурная политика // Проблемы прогнозирования. 2001. № 1; Волконский В.А., Кузовкин Л.И. Диспаритет цен в России и мире // Проблемы прогнозирования. 2002. № 6.

Г. В. Панина

УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ПРИОРИТЕТ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Развитие системы образования является важнейшей частью социальной политики любого государства. В современном высокотехнологичном обществе особое значение приобретает забота о высшем образовании и его центрах – университетах. Традиционно университеты играют в обществе роль трансляторов передовых знаний и наиболее ценного социального опыта, центров развития науки, воспитания юношества, подготов-

ки квалифицированных специалистов. В информационном обществе к этим функциям добавляется задача экспертной оценки научно-технического и социального развития общества, а также роль инновационного инкубатора, где рождаются принципиально новые проекты и технологии.

Экспоненциальное развитие техники и информации в современном обществе повышает требования к анализу их социальных последствий,